

Агатовые курьезы

А, право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов!

А.С. Пушкин

В художественной литературе, будь то проза или поэзия, трудно найти произведение, в котором так или иначе не упоминался бы какой-нибудь минерал. Иногда минерал становится главным героем (из-за которого, как правило, проливаются реки слез и крови), и его название гордо выносится в заголовок произведения, как, например, "Гранатовый браслет" А. Куприна, "Аметисты" И. Анненского, "Малахитовая шкатулка" П. Бажова, "Бриллианты для диктатуры пролетариата" Ю. Семенова и др. Но чаще всего он, безмянный, играет лишь роль булыжника на мостовой, о который спотыкается главный герой, или маленького камешка, который тот же герой через несколько страниц задумчиво бросает в воду, наблюдая за расходящимися на поверхности кольцами...

Но есть один минерал, которому с названием не повезло больше других. Причем это невезение преследует его только в художественной литературе, а в минералогии (наука все-таки) с названием все в порядке.

Речь идет об агате.

В минералогии агатом называется разноцветно-полосчатая или узорчатая разновидность полупрозрачного халцедона. Полосчатость агатов обусловлена перемежающимися слоями халцедона различной толщины (от микрона до нескольких миллиметров), которые разнятся окраской, густотой тона, степенью просвечивания и пористостью. Если чередующиеся серо-голубые и белые слои на изломе или в срезе камня расходятся зигзагообразными или концентрическими линиями, то он называется просто агатом. Если же слои располагаются прямыми параллельными друг другу полосками или образуют какой-либо узор, и при этом с белыми слоями чередуются слои красного, желтого, бурого, черного или другого цвета, то такая разновидность может иметь собственное название. Более того, даже разные срезы одного образца агата могут различаться характером рисунка и, следовательно, называться по-разному.

Слово "агат" по отношению к полосатым камням было известно еще Теофрасту (IV в. до н. э.). Значительно позже, в первой половине XVIII в., шведский минералог Г. Валлериус отмечал, что перечислить все разновидности агата невозможно, да и не нужно, поскольку они всегда зависят от индивидуальности рисунка.

Вместе с тем, при всем бесконечном разнообразии агатовых проявлений среди них нельзя найти одноцветного, в том числе и чисто черного. Агат — это полосатый и только полосатый камень.

Однако в литературе часто можно встретить выражение "глаза черные, как агат". Например, О'Тенри в рассказе "Чья вина?" описывает глаза героини как "...жесткие и чернее агата". У М. Булгакова в рассказе "Китайская история" есть строки о метком китайце-пулеметчике: "В агатовых косых глазах от рождения сидела чудесная прицельная панорама..."

Даже у Набокова — одного из самых беспощадных критиков и непримиримых врагов литературных штампов — в "Защите Лужина" врач-психиатр "говорил приятные вещи и смотрел агатовым взглядом, который теплом разливался по всему телу".

Данный эпитет настолько распространен, что С.И. Ожегов в Словаре русского языка в качестве примера применения прилагательного *агатовый* приводит именно словосочетание "агатовые глаза (перен.: черные и блестящие)".

Интересно отметить, что в словаре В.И. Даля это сравнение (а значит, и ошибка) отсутствует. Напротив, толкование слова снабжено подробной минералогической характеристикой камня, как бы признанием за ним права оставаться термином, а не просто расхожим эпитетом.

При всей несостоятельности такого сравнения, тем не менее, на этой почве иногда вспыхивали настоящие поэтические "перебранки". Например, поэт Ф.А. Туманский посвятил Софье Пушкиной, обладательнице черных как смоль глаз, такой мадригал:

Она черкешенка собою, —
Горит агат в ее очах,
И кудри черные волною
На белых лоснятся плечах...

Ответом на эти строчки явилось стихотворение А.С. Пушкина, который в то время серьезно увлекся своей однофамилицей и дальней родственницей:

Нет, не черкешенка она, —
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней, —
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Да, ответ, достойный великого поэта. Правда, трудно сказать, проявились ли здесь познания Пушкина в минералогии, или его гений интуитивно почувствовал подвох... В любом случае это — хороший пример того, как, избегая литературных клише, можно избежать и досадных ошибок.

Устоявшееся представление об агате как о черном камне проявилось и в стихотворении А.А. Вознесенского "Книжный бум", где есть такие строки:

Попробуйте купить Ахматову —
Вам букинисты объяснят,
что черный том ее агатовый
куда дороже, чем агат.

Прекрасная рифма. Но черных агатов не бывает.

Подобные курьезы происходят, вероятно, оттого, что агат путают с черным опалом или гагатом. Опал — твердый природный гидрогель двуокиси кремния; черный опал часто бывает с опалесценцией красного цвета. Гагат — черный ископаемый уголь; плотный, смолистый. Древние называли его "черным янтарем". Красивые, удивительные минералы. Но не они фигурируют на страницах литературных произведений.

С.И. Ожегов объясняет происхождение эпитета "агатые глаза" как контаминацию с "гагатовый". Но контаминация обычно имеет место при слиянии часто употребляемых речевых единиц, а "гагат" и "агат" трудно к таковым причислить. Более того, в результате контаминации возникает новая речевая единица, чего в данном случае не наблюдается. Так или иначе, но контаминация, как и любая другая (не всегда закономерная) деформация слов, возникающая в устной повседневной речи, не должна переключиваться в литературу.

Так на каком же основании "гагат" подменяется "агатом"? Ведь, казалось бы, происхождение этих слов не дает никаких к тому оснований. Не вдаваясь в проблемы их этимологии, следует лишь заметить, что оба слова имеют греческие корни. Но "агат" происходит от *ahates*, а гагат — от *gagates*. Чувствуете разницу? В русском написании эта разница почти потеряна. Может, поэтому и возникла путаница?

Попытки объяснить причину подмены гагата на агат в поэзии приводят к еще одной версии.

Поэтам часто приходится ради спасения своих "хромяющих" на рифму или размер стихов прибегать к таким приемам, как словотворчество, смещение ударения в словах, замена русских слов иностранными и т. п. Однако замена слова "гагат" словом "агат" никак не может повлиять ни на рифму, ни на размер, ни на образность стиха! Неужели все это — только лишь для благозвучия?

Русская поэзия знает такие примеры. В дореволюционные времена строгое соблюдение резкой разницы между звуком "е" и звуком "э" считалось признаком образованности, культурного лоска. "Электричество" вместо "электричество", "экзамен", "экипаж" говорили простолюдины. Поэты, желая возвыситься над толпой, нарочито использовали слова с "э". Но, пожалуй, дальше всех зашел Игорь Северянин, который, если ему не хватало "э" в словах, просто заменял его другие буквы: "Шоффэр, на Острова!".

Вероятно, и "агат" для кого-то был более благозвучен, чем "гагат". И если можно одну букву заменить другой, почему нельзя какую-то букву вообще выбросить?..

Тем более что ради нужного звучания поэты порой готовы и не на такие жертвы. Например, на использование слов, значение которых им не известно.

Так, по воспоминаниям Ирины Одоевцевой, О. Мандельштам, прочтя ей строки

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья.
Я так боюсь рыданья аонид...

вдруг спросил:

— Кто такие аониды? Знаете?

Она ответила, что никогда о них не слыхала, и предложила заменить их на данаид: те, мол, тоже, вероятно, рыдали, наполняя бездонные бочки. Но Мандельштам возмущенно замахал на нее руками:

— Нет. Невозможно. Данаиды звучит плоско... нищий, низкий звук! Мне нужно это торжественное, это трагическое, рыдающее "ао". Разве вы не слышите — аониды? Но кто они, эти проклятые аониды?

Он задумался на минуту.

— А может быть, они вообще не существовали? Их просто гениально

выдумал Пушкин? И почему я обязан верить вашей мифологии, а не Пушкину?

Действительно, в этом случае мы с одинаковым участием готовы верить рыданиям и пушкинских, и мандельштамских аонид.

Но кто поверит в существование женщины с агатовыми, т. е. в полосочку, глазами, и что эти глаза способны вызвать поэтический восторг?! Впрочем... мало ли?.. вдруг это не обыкновенная земная женщина, а какая-нибудь аонида...

Каковы бы ни были причины подмены слова "гагат" на "агат", ни одна из них не может служить оправданием для мастера литературного слова. Особенно если речь идет не просто о создании ярких поэтических образов, а об описании природы. В произведениях, призванных воспеть красоту и мудрость природы, такие "па" вообще не допустимы. Ибо для описания природы используются не просто красивые слова, а понятия, термины.

Например, Владимир Солоухин в книге "Камешки на ладони" пишет: "...каждый камешек про себя знает, что он есть отдельный, самостоятельный камешек, что он сам по себе: этот в розовых прожилках, этот прозрачен, этот хоть и сер, но уникален сквозной дырочкой в нем, этот черен, как агат. А ведь бывает и вправду — агат".

Душевно, трепетно. Но — еще и еще раз повторюсь — черных агатов не бывает.



Вероника КОВАЛЬ

"И все же тоскуем по странной отчизне" Один из "незамеченного" поколения

Насчет переселения душ — не знаю. Но что были и есть в мировом пространстве-времени души, родственные нашим, знаю точно. Вдруг окутают теплом строки какого-то средневекового поэта, и поражаешься, что ты, дитя двадцатого века, чувствуешь так же, как он. Или с картины вдруг полыхнет взглядом страстный идалго и пронзит сердце тоской несбыточной мечты: почему, почему мы не сошлись во времени? Нечто подобное испытала я и при знакомстве с Карлом фон Гершельманом. Сначала с его творчеством, затем — с историей его жизни.



В центре семейного снимка
Карл фон Гершельман

Первопричина моего интереса к личности Гершельмана имеет чуть ли не детективное начало. Сколько-то лет назад таллиннский музей посетил приезжий из Германии. Он назвался сыном художников Карла и Элизабет фон Гершельман. В семье хранится многое из их творческого наследия.

Даже для эстонских искусствоведов сообщение о том, что "нашлись" работы подзабытых художников, оказалось сенсацией. Элизабет была эстонкой, дочерью крепостного, который в свое время спас в бою барона Розендорфа, и тот в благодарность даровал ему вольную и свою родовую фамилию. Карл происходил из древнего дворянского рода прибалтийских немцев. Супруги в 20-30 годы прошлого века жили в Таллинне. Она занималась росписью фарфора, он — графикой. Вскоре музей открыл для соотечественников эти имена, организовав выставку работ из семейной коллекции и других музеев. Об этой экспозиции и коротко об авторах искусствовед Май Левин поведал в 2005 году на страницах эстонского журнала "Вышгород".

Ну и что? Как говорится, что мне Гекуба, что я ей?

Не могу понять, почему, но при чтении очерка я вдруг подспудно ощутила, что не случайно пришел он мне в руки, не случайно.

Интуиция меня не подвела. Вот оно! Карл Гершельман (он не любил